

О. Бисмарк

Мысли и воспоминания

том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
О-11

О. Бисмарк
О-11 Мысли и воспоминания: том 3 / О. Бисмарк – М.: Книга по Требованию, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-458-36294-8

Библиографическая редкость. Москва, 1940 год. Государственное социально-экономическое издательство. В переводе третьего тома книги Бисмарка "Мысли и воспоминания" на русский язык сделан Г. Б. Гермаидзе. В конце тома приложены указатели имен и предметный ко всем трем томам. "Мысли и воспоминания" Бисмарка - это не столько воспоминания, сколько мысли, изложением которых закончил свою продолжительную политическую жизнь один из крупнейших государственных деятелей Европы второй половины XIX века. Это прежде всего политическое завещание основателя Германской империи, написанное, как гласит посвящение, "сынам и внукам для понимания прошлого и в поучение на будущее". Свои обширные, трехтомные воспоминания Бисмарк начал писать вскоре после вынужденной отставки в 1890 г. Уединившись в Саксонском лесу, в одном из своих имений, он вел оттуда борьбу против так называемого "нового курса", взятого молодым Вильгельмом II и новым канцлером Каприви. Охваченный тревогой за судьбы империи, в создании которой он принимал столь большое участие, обиженный своей отставкой, недовольный и фрондирующий, - он посвятил последние годы своей жизни составлению политического завещания. Оглядываясь назад, подводя итоги своей долголетней политической деятельности, Бисмарк пытался не только оправдать ее перед современниками, но и предостеречь, на основе собственного политического опыта, своих преемников от возможных ошибок. А опыт этот был огромен и многообразен.

ISBN 978-5-458-36294-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

труду. Для более основательного ознакомления принца с административной службой и для того, чтобы, наряду с военными элементами, с их товарищескими замашками, ввести в постоянное общение с ним гражданские элементы, я просил у императора разрешения прикомандировать к его королевскому высочеству одного из высших чиновников с научным образованием. Для этой цели я предложил помощника статс-секретаря в министерстве внутренних дел Геррфурта, который знал законодательство и статистические данные в масштабе всей страны и поэтому казался мне особенно подходящим для роли ментора престолонаследника. В январе 1888 г. мой сын⁶ по моей инициативе пригласил к обеду принца и Геррфурта, чтобы лично познакомить их друг с другом. Но это знакомство не повело к дальнейшему сближению. Принц заявил, что с такой неопытной бородой он в детстве представлял себе Рю-бецаля⁷, и на мой вопрос сам указал, как на подходящую для него личность, на правительственного советника и офицера запаса фон Бранденштейна из Магдебурга. Последний, действительно, оказался во всех отношениях подходящим для этой цели человеком. По моей просьбе, он вступил в эту должность, но уже в середине марта выразил желание об освобождении от нее и о возвращении в провинцию к своей прежней деятельности. Он встретил очень милостивое обхождение принца и был желанным гостем на всех обедах, но не ощущал пользы от своей службы и не мог свыкнуться с праздной придворной жизнью. Однако его уговорили временно остаться. В июне, когда принц вступил на престол, фон Бранденштейн по его повелению получил назначение в Потсдам с повышением по службе, несмотря на протест соответствующих ведомств по поводу нарушения прав старшинства при продвижении в чинах.

Мои старания добиться перевода принца по военной службе в одну из провинций лишь для устранения влияния потсдамской полковой среды остались безрезультатными. Расходы по содержанию принца и его свиты в провинции представлялись министерству двора еще более значительными, чем в Берлине. К тому же и принцесса⁸ была против этого плана. Правда, в январе 1888 г. принц был назначен командиром бригады в Берлине, но быстрое течение болезни отца⁹ в конце концов не позволило принцу, до его вступления на престол, получить иные впечатления о внутренней жизни государства, чем те, которые могла вызвать полковая жизнь.

Наследник престола, будучи приятелем молодых офицеров, наиболее одаренные из которых, быть может, помышляют при этом только о своей служебной карьере, лишь в редких случаях может рассчитывать на то, что влияние среды поможет ему подготовиться к будущей деятельности. Я глубоко сожа-

дел о тех ограничениях, на которые теперешний император был обречен в прошлом из-за скупости министерства двора, но этого я не в состоянии был изменить. Вот почему он вступил на престол с взглядами, чуждыми нашим прусским понятиям и нашей государственной жизни.

С 1884 г. принц вел со мной переписку, временами оживленную. Некоторое недовольство впервые проявилось в его письмах после того, как я при помощи убедительных аргументов, но в весьма почтительной форме, отсоветовал ему две затеи. Одна из них связана с именем Штекера.

28 ноября 1887 г. у генерал-квартирмейстера¹⁰ графа Вальдерзее состоялось собрание, в котором приняли участие принц Вильгельм с принцессой, придворный проповедник Штекер, депутаты и другие видные лица. Собрание должно было обсудить вопрос об изыскании средств для Берлинской городской миссии¹¹. Граф Вальдерзее открыл совещание речью, в которой подчеркнул, что городская миссия не имеет какой-либо политической окраски и единственным ее принципом является верность королю и воспитание патриотического духа; что единственным верным средством противодействовать анархистским тенденциям является забота о духовной пище наряду с материальной помощью. Принц Вильгельм, выразив свое согласие с высказываниями графа Вальдерзее, и, согласно отчету, помещенному в «Kreuzzeitung»¹², употребил термин «христианско-социальная идея»¹³.

По возвращении с собрания принц посетил моего сына и, рассказывая о происходившем там, заметил: «А все-таки в Штекере есть нечто от Лютера». Мой сын, который впервые об этом собрании услышал от принца, ответил, что у Штекера, быть может, и есть свои заслуги и что он хороший оратор, но что он — натура неуравновешенная и не всегда может положиться на свою память. Принц возразил, что тем не менее Штекер завоевал императору много тысяч голосов, отняв эти голоса у социал-демократов. Мой сын ответил, что со времени выборов 1878 г.¹⁴ число социал-демократических голосов постоянно возрастало, а оно должно было бы заметно уменьшиться, если бы Штекер действительно завоевал часть голосов. В Берлине участие населения в выборах незначительно, но берлинец любит собрания, шум и перебранку, и некоторые из равнодушных избирателей, обычно не голосовавшие, конечно, могли в результате агитации Штекера явиться на выборы и голосовать за предложенного Штекером кандидата. Но было бы заблуждением считать, что Штекер и его агитация *убедили* значительное число социал-демократов.

Вскоре после этого в Лецлингене¹⁵, в связи с охотой, состоялся обед, после которого принц показал присутствующим газету со статьей о задачах упомянутого собрания. В беседе,

завязавшейся по этому поводу между спутниками принца, мой сын отстаивал взгляд, что Штекера надо рассматривать не как пастора, а как политика. Но в качестве политика он допускает слишком большие крайности, чтобы можно было рекомендовать принцу отождествлять его взгляды со своими.

Из Лещлингена мой сын поехал через Берлин прямо в Фридрихсруэ¹⁶, где я к этому времени прочитал несколько статей о так называемом собрании у Вальдерзее и спросил сына о значении этого собрания. Он рассказал о том, что произошло в Лещлингене. Я одобрил его точку зрения, заметив, что пока все это меня не касается. Между тем шумиха, поднятая прессою, росла, а люди благомыслящие посещали моего сына и, имея в виду интересы принца, горько сетовали на то, что принц ввязался в историю, из которой он сейчас не может выпутаться. Приближенные принца, которые беседовали с ним по этому поводу, были поражены его резкостью и рассказывали, что моего сына очернили перед ним; камергер фон Мирбах заверил принца, что в декабре мой сын якобы поместил в «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*»¹⁷ резкие статьи, которые для картеля¹⁸ и для либеральной прессы послужили сигналом занять позицию против принца и против его штекерианства. В действительности эти статьи были написаны Роттенбургом*. Ни сын мой, ни я никогда их не читали.

Воздействие этого натравливания мой сын заметил на ближайшем придворном празднестве и на всех последующих, где принцесса, до сих пор благосклонно относившаяся к моему сыну, упорно его игнорировала. Впервые он вновь удостоился внимания лишь накануне отъезда в Петербург¹⁹, когда на приеме присутствовало государственное министерство в полном составе.

У меня не было оснований заниматься этим вопросом, пока принц не обратился ко мне со следующим письмом:

«Потсдам, 21 декабря 1887 г.

К своему сожалению, я узнал, что ваша светлость, повидимому, не согласны с делом, начатым мною в интересах бедных классов нашего народа. Боюсь, что поводом к извращению моих намерений послужили сообщения, исходившие от социал-демократических газет, к сожалению, перепечатанные многими другими газетами. При тех близких отношениях, которые уже так давно связывают вашу светлость со мной, я каждый день ждал, что ваша светлость обратится за информацией непосредственно ко мне. Поэтому я до сих пор молчал; но чтобы предотвратить дальнейшие недоразумения и криволотки, я считаю теперь своим долгом ясно осведомить вашу

* Начальник имперской канцелярии.

светлость о действительной сути дела. В прошлом году многие высокопоставленные лица в Берлине и вне Берлина неоднократно высказывали мне пожелание, чтобы время от времени в пользу бедного населения Берлина устраивались большие празднества, сборы с которых являлись бы постоянным пособием для Берлинской городской миссии. С соизволения его величества императора было предположено устроить кавалерийский праздник под моим покровительством. Но тогда он не состоялся. Осенью снова вернулись к этому проекту; но, вследствие тяжелой болезни моего отца, он и на сей раз не осуществился. Вместо этого обратились к моей жене с просьбой принять покровительство над большим [благотворительным] базаром, как и два года тому назад. Однако принцесса была слишком потрясена все более тревожными известиями о состоянии кронпринца и выразила пожелание воздержаться также от устройства базара и от других предполагавшихся празднеств. Она предложила обратиться с призывом о широком сборе пожертвований непосредственно ко всем друзьям городской миссии и друзьям нуждающихся.

С этой целью предполагалось образовать широкий комитет, в состав которого я предложил вступить друзьям этого начинания из всех провинций, и притом преднамеренно из самых разнообразных политических партий и различных вероисповеданий. По моему предложению комитет возглавили: граф Штольберг, министр фон Путкаммер, министр фон Госс-лер, граф Вальдерзее, граф Гохберг и их супруги.

28 ноября мы с женой пригласили на предварительное совещание к графу Вальдерзее около 30 человек. Я изложил участникам мои намерения и подчеркнул, что в этом деле христианской любви для меня чрезвычайно важно объединить людей из различных политических партий, чтобы тем самым устранить всякую мысль о политике и воодушевить для этого общего христианского дела наибольшее количество различных благонамеренных людей. Само собой разумеется, что именно мне в моем затруднительном, ответственном и шекотливом положении важно было не придавать этому начинанию политической окраски. Но, с другой стороны, я глубоко убежден, что объединение для указанной цели — задача, к которой следует стремиться и которая даст самое действительное средство для решительной борьбы с социал-демократией и анархизмом. Городские миссии, уже существующие в отдельных крупных городах империи, представляются мне подходящим для этого орудием.

Поэтому я с радостью приветствовал предложение, исходившее от различных групп, особенно от либералов — фон Бенда и других, — в равной мере распространить предполагаемое начинание на все крупные города монархии. Таким

образом, Берлинская городская миссия стала бы лишь равноправным звеном в цепи многих других аналогичных городских миссий и не имела бы никаких преимуществ по сравнению с магдебургской или штеттинской миссией.

Тем самым, надо надеяться, будут рассеяны подозрения, которые немедленно были искусственно вызваны прессой при помощи преднамеренных искажений, — подозрения в том, что речь будто бы идет о специфически штекеровском начинании. К тому же объединенные городские миссии предполагается поставить под надзор и руководство какого-либо видного священника, но, *во всяком случае*, не Штекера, — причем этот священник также будет членом делового комитета, в который войдут перечисленные выше министры. Таким образом, Берлинская городская миссия, а следовательно, и вызывающий опасения Штекер, оказались бы в равном положении со всеми остальными миссиями, и его участие в деле, руководимом *комитетом*, было бы не больше, чем участие главы городской миссии Лейпцига, Гамбурга или Штеттина. Берлинская городская миссия является учреждением, существующим на регулярные церковные сборы и единогласно санкционированным Генеральным синодом на его последнем заседании, в том числе даже его либеральной частью. Во всех провинциях наиболее знатные и почтенные люди в течение ряда лет возглавляют благотворительные фрейны городских миссий. Я надеюсь, что поддержка этих организаций и привлечение их к этому делу окажет наилучшую помощь в деле морального подъема масс, благодаря сотрудничеству столь благородных сил.

Меня возмутило, что посредством лживого, но очень хитрого и хорошо рассчитанного подчеркивания личности Штекера пытались навлечь подозрение на это начинание и ему воспрепятствовать. Несмотря на все, достойные признания, заслуги этого человека перед монархией и христианством, мы, именно учитывая общественное мнение, отвели Штекеру второстепенную роль в намеченном мною объединении. Как я уже указал выше, это в еще большей степени необходимо при распространении нашего дела на всю монархию. Уже на самом собрании это было резко подчеркнуто графом Вальдерзее. Так как все начинание лишено какой-либо политической окраски, то для всех партий открыта возможность сотрудничества, а к руководству работой миссий в стране предполагается призвать человека, который отнюдь не является политиком, и ему подчинить отдельные городские миссии.

С этой целью будет запрошено также мнение господина министра вероисповеданий: может ли он предложить подходящую кандидатуру?

Мне кажется, что такие люди, как граф Штольберг, Вальдерзее, генерал граф Каниц, граф Гохберг, граф Цитен-Шве-

рин, фон Бенда, Микель и преданные коллеги вашей светлости, фон Путкаммер и фон Госслер, являются достаточной порукой тому, что дело будет вестись правильным и надлежащим образом и что оно разовьется на благо страны и к вящему упрочению тяжелого и великолепного труда вашей светлости внутри государства. Меня лично воодушевляет только одно — столь часто выражавшееся его величеством желание вернуть отечеству заблуждающиеся народные массы посредством совместной христианской деятельности *всех* благонамеренных элементов из любого сословия и любой партии. Ведь это намерение отстаивает и ваша светлость. Вначале сообщение о нашем начинании вызвало широкое одобрение, пока социал-демократические и свободомыслящие газеты ²⁰ не обрушились на это начинание, распространяя самые невероятные и подчас бесстыдные инсинуации. Во всяком случае, они достигли того, чего хотели: многие были озадачены. Но я твердо надеюсь, что уже проявляющееся во многих местах сочувствие к моим истинным, непристрастным взглядам послужит на пользу и принесет благословение доброму делу, а гнусные нападки будут только содействовать раскрытию правды и ее разъяснению.

Глубокое, горячее чувство почтения и сердечная преданность, которые я питаю к вашей светлости (я скорее позволил бы разрубить себя на куски, чем предпринял бы что-либо причиняющее вам затруднения или неприятности), служат, по моему мнению, порукой тому, что в задуманном мною деле я не примкнул ни к какой партийно-политической идеологии. Равным образом большое доверие и теплая дружба, которые ваша светлость всегда оказывали мне и на которые я с чувством гордости, благодарности и радости неизменно отвечал тем же, позволяют мне надеяться, что после этого разъяснения ваша светлость благосклонно отнесется к делу, начатому мною с чистейшими помыслами и с бодрой уверенностью, рука об руку со многими преданными и благородными людьми, и не откажете мне в поддержке, которая самым действенным образом рассеет все подозрения.

Итак, вкратце резюмирую: вскоре будет создан деловой комитет с участием министров, который определит общее направление работы, в частности комитет будет иметь в виду распространение своей деятельности на всю страну. Провинции и их главные города посылают своих уполномоченных, которые являются их представителями и руководят работой на местах. Руководство работой миссий следует поручить подходящему для этого лицу, которое в то же время является членом комитета (например, генерал-суперинтенденту?)²¹ и руководит всеми миссиями. Время от времени комитет сообщает мне о своих решениях. Я не связан с этим начинанием даже в ка-

честве покровителя, а лишь издали благосклонно содействуя его успеху.

Заканчивая на этом свое письмо, желаю вашей светлости счастливого нового года. Да будет вам и впредь суждено с испытанной и мудрой заботой руководить страной, будь то для мира или для войны. И если суждено разразиться войне, не забывайте, что всегда наготове рука и меч у того, чьим предком был Фридрих Великий, один боровшийся с вдвое большим количеством врагов, чем их имеется в настоящее время у нас, и что 10 лет упорной военной подготовки не пропали для него даром!

В остальном «Allweg guet Zolre!»²².

С чувством самой преданной дружбы

Вильгельм, принц Прусский».

За несколько недель до этого принц сообщил мне о другом своем замысле следующим письмом:

«Потсдам, 29 ноября 1887 г.
Мраморный дворец.

При сем позволяю себе препроводить вашей светлости документ, который я составил, ввиду того, что не исключена возможность близкой или неожиданной кончины императора и моего отца. Это краткий указ моим будущим коллегам — германским имперским князьям. Точка зрения, из которой я исходил, вкратце сводится к следующему:

Империя еще молода, а совершающаяся в ней перемена — первая за время ее существования. При этом власть переходит от могущественного государя, принимавшего выдающееся участие в истории созидания и основания империи, к юному и сравнительно неизвестному государю. Почти все князья принадлежат к поколению моего отца, и, рассуждая по-человечески, нельзя поставить им в вину, если переход под власть нового, столь юного государя отчасти придется им не по вкусу. Поэтому установленный божьей милостью порядок наследования должен быть преподнесен князьям как непреложный *fait accompli* [совершившийся факт]; и притом таким образом, чтобы у них не было времени много мудрствовать на сей счет. Поэтому мой замысел и мое желание сводятся к тому, чтобы это обращение после просмотра, а в случае необходимости и изменения вашей светлостью, было депонировано в запечатанном пакете при всех миссиях и в случае моего вступления в управление государством было немедленно передано посланниками соответствующим князьям. У меня прекрасные отношения со всеми моими родственниками в империи; почти с каждым из них я за это время уже переговорил о будущем,

и, пользуясь своими родственными связями с большинством этих правителей, я постарался создать весьма приятную базу для дружеского общения. Ваша светлость усмотрит это из того места моего обращения, где говорится о поддержке советом и делом; иными словами, старые дяди не должны подставлять ножку милому молодому племянничку! Я часто обменивался мыслями со своим отцом относительно положения будущего императора, причем я очень скоро убедился, что мы придерживаемся весьма различных взглядов. Мой отец был всегда того мнения, что он один должен командовать, а князья обязаны повиноваться. Я же считал, что князей надо рассматривать не как сборище вассалов, а скорее как своего рода коллег, чьи слова и пожелания следует спокойно выслушивать. Что же касается выполнения, то — это другое дело. Мне будет легко, обращаясь с этими господами, как племяннику с дядей, приобрести их расположение мелкими любезностями и подкупить их вежливыми визитами. Позволив убедить себя в правильности моего образа мыслей и действий и дав прибрать себя к рукам, они тем охотнее будут мне повиноваться. А повиноваться придется! Однако лучше если это происходит по убеждению и доверию, чем по принуждению.

В заключение выражаю надежду, что желанный сон вернулся к вашей светлости. Остаюсь всегда искренне преданный вам

Вильгельм, принц Прусский».

На оба послания принца я ответил следующим письмом:

«Фридрихсруэ, 6 января 1888 г.

Ваше королевское высочество великодушно простит мне, что я еще не ответил на ваши милостивые послания от 29 ноября и 21 декабря. Я так изнемог от болезни и бессонницы, что с трудом справляюсь с повседневной корреспонденцией, и всякое напряжение усиливает мою слабость. На письма вашего высочества я могу ответить лишь собственноручно, а моя рука уже не повинуется мне с прежней легкостью. Кроме того, чтобы дать удовлетворительный ответ именно на эти письма, мне пришлось бы написать историко-политический труд. Но по доброй поговорке: «лучшее — враг хорошего», — я предпочитаю ответить, насколько мне позволяют силы, чем в непочтительном молчании ожидать укрепления моих сил. Я надеюсь вскоре быть в Берлине и в личной беседе восполнить то, что мои силы не позволяют написать.

Приложение к письму от 29 ноября прошлого года честь имею всеподданнейше при сем возвратить и позволяю себе почтительнейше посоветовать вашему высочеству незамедлительно сжечь его. Если бы подобный проект *преждевременно*

получил огласку, то произвел бы тяжелое впечатление не только на его величество императора, но и на его королевское высочество кронпринца; а в наши дни сохранение тайны всегда сомнительно. Даже единственный существующий экземпляр, который я тщательно хранил здесь под замком, может попасть в ненадлежащие руки; если же заготовить десятка два копий и депонировать их в семи миссиях, то умножится возможность неприятных случайностей и людской неосторожности. Наконец, даже в том случае, если документы будут использованы в соответствии со своим назначением, то если бы стало известным, что они были составлены и заготовлены до смерти правящих особ, это не произвело бы хорошего впечатления. Я был сердечно обрадован тем, что, в противоположность более резким воззрениям вашего светлейшего отца, ваше высочество признаете политическое значение *добровольного* сотрудничества союзных князей в интересах империи. Не далее чем 17 лет тому назад мы подпали бы под власть парламента, если бы князья не стояли твердо на стороне империи, и притом добровольно, ибо они сами рады сохранить то, что им гарантирует империя; а в будущем, когда потускнеет ореол 1870 года, безопасность империи и ее монархических учреждений в еще большей мере будет зависеть от единодушия князей. Князья — не подданные, а союзники императора²³, и если в отношении их не будет соблюден союзный договор, то и они не будут чувствовать себя обязанными к этому и попрежнему будут — хотя и считают свои чувства национальными — при первом благоприятном случае искать опоры у России, Австрии и Франции, до тех пор, пока император сильнее князей. Так было в течение тысячи лет, так будет и впредь, если снова возбудить старое соперничество между династиями. *Acheronta movebunt*²⁴. Оппозиция в парламенте также приобрела бы совершенно иную силу, если бы прекратилась существующая до сих пор сплоченность Союзного совета и Бавария и Саксония стали бы действовать заодно с Виндгорстом и Рихтером²⁵. Поэтому вполне правильна политика, которая побуждает ваше высочество обратиться прежде всего к «господам родственникам». Но я всеподданнейше советую дать при этом заверение, что новый император будет так же добросовестно уважать и охранять «договорные права союзных князей», как и его предшественники. Не рекомендуется особенно подчеркивать при этом «созидание» и «объединение» империи, как *предстоящую* работу, так как князья могут подразумевать под этим дальнейшую «централизацию» и умаление оставшихся им по конституции прав. Если же в Саксонии, Баварии и Вюртемберге возникнет недоумение, то обаяние национального единства и его могучее влияние рассеется и в новых провинциях Пруссии, а в особенности за границей. Против социал- и прочих

демократов национальная идея сильнее, чем христианская, если, быть может, не в деревне, то в городах. Я очень сожалею об этом, но вижу вещи, как они есть. Однако самую прочную основу монархии я ищу не в этих идеях, а в королевской власти, носитель которой готов не только в спокойные времена *трудолюбиво* работать над преуспеянием государства, но и в критические моменты исполнен решимости скорее пасть с мечом в руках на ступенях трона в борьбе за свои права, чем отступить. Такого государя не покинет ни один немецкий солдат, и верной остается старая поговорка 1848 г.: «Против демократа — помощь только у солдата». Священники могут здесь много испортить и мало помочь; области, являющиеся наиболее сильным оплотом духовенства, бывают и наиболее революционными. В 1848 г. в Померании с ее верующим населением все священники стояли за правительство, и тем не менее вся Восточная Померания голосовала за социалистов — за поденщиков, кабатчиков и скупщиков яиц.

Тем самым я перехожу к содержанию вашего милостивого письма от 21-го прошлого месяца. Лучше всего начать с его заключительной части, проникнутой сознанием того, что ваш предок — Фридрих Великий. Я прошу ваше высочество следовать его примеру не только как полководца, но и как государственного деятеля. Великому государю не было свойственно полагаться на такие элементы, как «внутренняя миссия». Конечно, времена теперь иные, но успехи, завоеванные речами и ферейнами, и сейчас не являются прочной опорой для монархических позиций. К ним применима поговорка: «как добыто, так и прожито». Красноречие противников, ядовитая критика, бестактность единомышленников, немецкая страсть к раздорам и отсутствие дисциплины — все это легко готовит печальный исход наилучшему и честнейшему делу. С такими предприятиями, как «внутренняя миссия», в особенности в случае ее расширения до предположенных размеров, по моему всеподданнейшему разумению, не следовало бы связывать имени вашего высочества, дабы оно не было затронуто возможной неудачей. Никак нельзя точно учесть возможность успеха, раз связи распространяются на все крупные города, и, таким образом, вбирают все элементы и направления, которые уже существуют в местных организациях или могут в них проникнуть. Наконец, в таких ферейнах решающее значение для реального результата имеют не деловые цели, а руководящие *лица*, которые и определяют характер и направление ферейнов. Это бывают ораторы и духовные лица, а зачастую также и дамы, одним словом, такие элементы, которые могут быть использованы для политической деятельности в государстве лишь с большой осторожностью. Я никоим образом не хотел бы, чтобы от поведения и *такта* этих элементов в ка-